

гом, что либо ограничивалось, а порой и запрещалось преподавание философских дисциплин в высшей школе (закрывались факультеты, имеющие кафедры философии), либо проводилось отстранение неугодных преподавателей.

И, наконец, государственная власть не отказывалась и от прямых репрессивных воздействий на инакомыслящих с целью их нейтрализации или уничтожения. Так к середине 20-х гг. советским правительством большая часть профессоров философии (в университетах и духовных академиях в это время работали известные русские философы-идеалисты: Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский, П.Б. Струве, С.Л. Франк, Г.Г. Шпет, Л.П. Карсавин, П.А. Флоренский, П.А. Сорокин и многие другие) была удалена из вузов, многие из которых добровольно покинули страну, а несколько десятков человек были высланы за пределы России. Своего звездного часа политические репрессии достигли при Сталине: философские дискуссии 20-30-х гг. и дискуссия 1947 года, борьба с космополитизмом. Задача дискуссий и компании космополитизма была чисто политическая – подавить любые проявления самостоятельной мысли, подчинить философию власти.

Истребление интеллигенции, «утечка умов» на Запад привели страну к духовному кризису. В результате к власти приходят полуграмотные люди, полуинтеллигенция, самодовольная, защищенная от критики системой карательных органов. Все это вкуче приводит страну к бескультурии, технократизму и сциентизму в самом грубом смысле этого слова.

Идя путем, намеченным русскими философами, сегодня необходимо формировать интеллигенцию в народе, восстанавливать своеобразную соборность духовной жизни, при которой общие ценности философской культуры не отрицают, а, наоборот, предполагают разнообразие подходов и творческих позиций.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

*Н.К. Эйнгорн
Екатеринбург*

Вот она, Всепамять, мать разуменья,
мать муз

Эсхилл

Историческую память можно было бы назвать Всепамятью, а не только «воскрешением прошлого» (Н.Федоров), ибо само это воскрешение имеет свою цель и свой смысл. Ради чего мы стремимся удерживать Прошлое в своем сознании, в своих чувствах? Ради продолжения Жизни, ради того, чтобы Жизнь не только сохранялась, но развивалась, совершенствовалась, чтобы развивался и совершенствовался Человек и человеческие отношения. А это, в свою очередь, определяет наше понимание памяти не только как мнемотехники, искусства запоминания, искусства удержания в нашем сознании жизненно-необходимых знаний, но понимание памяти как нравственной ценности. Ведь память может быть не только активной или пассивной, кратковременной или длительной, память может быть доброй или злой, благодарной и неблагодарной, не исключено, к сожалению, и беспамятство.

Какой может и должна быть историческая память? Ведь она, как неотъемлемый элемент исторического сознания и исторического познания, ценностна по своей природе, она не

беспристрастна. Допустима ли историческая память агрессивная, деструктивная, злобствующая? Приведет ли «памятозлобство» (В.Даль) к нахождению исторической правды или будет препятствием к этому? Но самое главное в том, какое отношение к Прошлому порождает злобствующая историческая память у живущих в Настоящем? Это, как правило, скептицизм, нигилизм, пошлость и цинизм. Это деструктивные силы, провоцировать которые недостойно Исторической памяти. Ведь Память – это продление Жизни. Чтобы быть таковой, память должна быть понимающей и терпимой, то есть толерантной.

«Нетерпимость есть клеймо невежества» (Н.Рерих). Нравственный смысл терпимости состоит в том, что: «Терпимость не есть равнодушие к добру и злу, терпимость есть добродетель свободолюбия и человеколюбия, бережное отношение к человеческим душам, к их жизненному пути, всегда сложному и мучительному» (Н.Бердяев). Достойным для подражания примером может быть удивительное умение незлобливости отношения к инакомыслящим В.С.Соловьева: «Первое условие истинной критики: показать главный принцип разбираемого явления – насколько это возможно – с хорошей стороны... Всякое заблуждение, о котором стоит говорить, содержит в себе несомненную истину и есть лишь более или менее глубокое искажение этой истины; и ею оно держится, и ею привлекательно, ею опасно и через нее же только может оно быть как следует понято и оценено, и окончательно опровергнуто».

Чуткая, терпимая, понимающая нравственность В.С.Соловьева пронизывает его воспоминания о Н.Г.Чернышевском: «В теоретических взглядах Чернышевского... я вижу важные заблуждения. Но нравственное качество его души было испытано великим испытанием и оказалось полновесным. Над развалинами беспощадно разбитого существования встает тихий, грустный, благородный образ мудрого и справедливого человека.»

Способность к пониманию и диалогу, способность в идейном, политическом противостоянии, в оценке чужих заблуждений и ошибок сохранить нравственные критерии, не казнить за непреднамеренное зло, признавать возможность ошибки при бескорыстном самоотверженном стремлении к утверждению исповедуемых идей, искренне сочувствовать трагичности судеб идей и их авторов, порой поспешно осуждаемых и забываемых – не в этом ли мудрость исторической памяти?

Толерантность – свойство сильной, развитой духовности. Это – не приспособленчество, не беспредельный компромисс. Это – способность не усугублять конфликты, не превращать противоречие в деструктивную силу, мудро отыскивая оптимальные пути его разрешения. В сфере мотивации толерантность – это мотив наименьшего зла не только для себя, но и для другого, это забота о совместном спасении, это основа единения и солидарности. Толерантность – это конструктивный компромисс, требующий умения и желания понять ситуацию, найти оптимальный вариант разрешения ее конфликтности. Самое ценное в толерантности – сохранение достоинства своего и достоинства другого.

Толерантность исторической памяти оптимизирует поиск исторической правды, способствует накоплению, сохранению, и трансляции в будущее жизнеопределяющих и жизнесохраняющих ценностей: «Человек без памяти прошлого, поставленный перед необходимостью заново определить свое место в мире, человек, лишенный исторического опыта, оказывается вне исторической перспективы и способен жить только сегодняшним днем... (Ч.Т.Айтматов).

Историческое «памятозлобство» опасно превращением в манкуртизм, в беспамятство. Толерантная историческая память как Всепамять есть память о Прошлом, Настоящем ради Будущего. Историческая память – не самоцель, это основа исторической ответственности.

Культура исторической памяти – это ответственное отношение к Жизни во всех временных измерениях как к высшей ценности, высшему благу, это основа созидательной смысложизненной позиции.